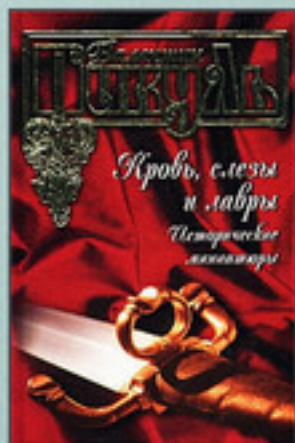

Валентин Пикуль

Первый университет

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Первый университет

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Первый университет / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Время было лютейшее, ужасающая «бироновщина», хотя сам герцог Бирон менее других повинен в угнетении русского народа. Пушкин верно заметил, что он был немцем, ближе всех стоял к престолу, и потому именно на него сваливали вину за все злодеяния. Между тем в массовых репрессиях той поры виновата была сама императрица, подлинно «кровавая героиня» дома Романовых, пощады не ведавшая, а главным палачом состоял при ней не германец, а чистокровный русский – Андрей Иванович Ушаков...»

Валентин Пикуль

Первый университет

Время было лютейшее, ужасающая «бириновщина», хотя сам герцог Бирон менее других повинен в угнетении русского народа. Пушкин верно заметил, что он был немцем, ближе всех стоял к престолу, и потому именно на него сваливали вину за все злодеяния. Между тем в массовых репрессиях той поры виновата была сама императрица, подлинно «кровавая героиня» дома Романовых, пощады не ведавшая, а главным палачом состоял при ней не германец, а чистокровный русский – Андрей Иванович Ушаков.

По указу царицы со всей России везли ко двору дур и дураков, уродов и помешанных, просто говорливых баб-сплетниц. От них Анна Иоанновна получала ту полезную «информацию» о жизни народа, которым она управляла. Впрочем, не отвергая науку, однажды она через телескоп наблюдала за движением планеты Сатурн, ибо верила в астрологию. Когда же царица шествовала в храм ради молитвы, титулованные потомки Рюрика сидели на лукошках с сырыми яйцами, они и кукарекали ей, они ей и кудахтали...

В конце 1734 года место президента в Академии наук оказалось «упалое» (то есть вакантное). До царицы дошло, что ученые очень боятся, как бы власть не забрал секретарь Данила Шумахер, и она вызвала к себе барона Иоганна-Альбрехта Корфа.

– Вот ты и усмири... науку-то! – сказала императрица. – О президентстве забудь и думать. Ежели в Академии ученые палками дерутся и все зеркала побили, так наказываю тебе быть при науках в ранге «главного командира», дабы всем ученым дуракам страху нагнать поболее...

Корф был ворчун. Иногда он высказывал такие крамольные мысли, за которые, будь он русским, его бы сразу отвели к Ушакову на живодерню. Корф не был похож на пришлых искателей удачи, а русских не считал «варварами». При дворе с ужасом говорили, что барон все деньги тратит на приобретение редких книг, в Швеции он не побоялся читать даже «Библию Дьявола», прикованную к стене цепью, которую с трудом поднимали шесть человек...

«Главный командир» Академии вольнодумствовал.

– Странные дела творятся в науках, – говорил он друзьям. – Ученые Парижа считают, что Земля удлинена в своих полюсах, подобно яйцу куриному, а в Лондоне доказывают, что Господь Бог расплющил ее, словно тыкву. Мне же хочется думать, что она круглая, как тарелка, и я верю в ее вращение...

Корф сразу заметил, что гимназия при Академии наук пустует, ибо все ученики ее разбежались, иных видели на паперти столичных храмов, где они Христа ради просили милостыню. Пойманные с поличным, школяры горько плакали:

– Да вить с голоду-то кому умереть охота?..

Корф распорядился, чтобы по всей России объявили «розыск» острых умом юношей, пригодных для того, дабы науки осваивать. Такой указ получил и Стефан Калиновский, ректор Заиконоспасской академии в Москве, и он даже растерялся:

– Господи! Да где я двадцать остроумных сыщу, ежели студенты мои по базарам шляются, едино о щак с кашей думают. Которыми были у меня остроумны, тех по госпиталям пристроили, чтобы они естество человеческое показывали...

Среди избранных для учебы в столице оказался и некий Михаила Ломоносов. Ректор глянул на парня и сказал:

– Эка ты, дылда, вымахал! Сбирайся в дорогу до Питерсбурха, там у тебя остроумие развивать станут...

В декабре 1735 года явился грозный прапорщик Попов:

– Которей тут для ученья отобраны, теих забираю с собой. Оденьтесь потеплее, дабы в дороге не дрогнуть...

Среди счастливых был и Дмитрий Виноградов.

– Митька, – сказал ему Ломоносов, садясь в санки, – а не забудут нас там, при Академии? Говорят, в тайной столичной «дикастерии» начальник ее Ушаков сильно лютует.

– Хоть бы кормили, и то ладно, – отвечал Виноградов...

Ехали учиться 12 студентов, из них только двое выбились в науку, остальные же, как писал Ломоносов, «без презрения и доброго смотра, будучи в уничтожении, от уныния и отчаяния опустили в подлость и тем потеряны...» Потеряться в те времена было легко, а вот найти себя – трудно!

В день 1 января, когда Россия вступала в новый 1736 год, перед студентами взвизгнул шлагбаум, осыпая с бревна лежалый снег, и перед юношами открылась столица... Из домовых окон желто и мутно проливался свет, фонари зябко помаргивали, слезясь по столбам конопляным маслом. Кони вынесли их к Неве...

– Эвон, Академья-то ваша, – показал варежкой Попов.

Город, в котором жил и творил великий Третьяковский, был наполнен всякими чудесами. В лавке академической Ломоносов купил книгу Третьяковского о правилах русского стихосложения.

– Не! – сказал он себе после прочтения. – Эдак далече не ускачешь. Уж я попробую сотворить, но иным манером...

На обзаведение школяров Корф выделил сто рублей.

– Я для них столы уже купил, – похвастал Шумахер.

– А сколько стоит кровать? – спросил барон.

– Тринадцать копеек.

– Вот видите, как дешево. А я целых сто рублей отпустил. Там у нашего эконома Фельтена еще куча денег останется.

– С чего бы им остаться? – кротко вздохнул Шумахер.

– Можно, – размышлял барон, – сапоги и туфли пошить для школяров. Чулки купить гарусные. И шерстяные, чтобы не мерзли. Гребни костяные – насекомых вычесывать. Ваксу, дабы сапоги свои чистили... От ста рублей много еще денег останется!

– Да не останется! – заверил его Шумахер.

Тут Корф догадался, что деньгам уже пришел конец.

– Послушайте, – заявил он Шумахеру, отвесив ему пощечину, – я не великий Леонардо Эйлер, но до ста умею считать и любого вора от честного человека отличить сумею...

Студенты пока не жаловались, до ушей барона бурчание их животов не доходило. Зато у Шумахера слух оказался острым:

– Вижу, что вам не сладкий нектар наук надобен, а каша... Прокопий Шишкарев, это ты кричал, будто я вас обкрадываю?

Шишкарев был разложен на лавке и бит батогами. Начиналось развитие «остроумия». Затем было велено Алешку Барсова «высечь при общем собрании обретающихся при Академии учеников...» Высекли! До чего же сладок оказался нектар науки. Ломоносов оставался небитым. Не об этом ли времени он писал позже:

Меня обьял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой...

Корф заранее списался с берг-физиком Иоганном Генкелем, жившим во Фрейберге, чтобы тот взялся обучать русских школяров химии и металлургии. Генкель ответил, что за деньги любого дурака обучить согласен. Но лучше прислать таковых, кои в латыни и немецком языках разбираются. Корф отобрал для учения в Германии попovichа Дмитрия Виноградова

и Михаила Ломоносова, сына крестьянского, указав им срочно учиться немецкому языку. К ним приставили третьего студента – москвича Густава (Евстафия) Райзера, сына горного инженера... Вот его отец, Винцент Райзер, и навестил Корфа в его палатах, оснащенных шкапами библиотеки, составленной из 36 000 томов.

– Барон, – сказал Райзер, – я старый бергмейстер, и я знаю, что Генкель в горных науках разбирается, как свинья в аптеке. Не лучше ли было бы наших студентов послать сначала в Марбург, где парит высоким разумом знаменитый философ Христиан Вольф... Вольф к русским относится хорошо, еще при Петре Великом он приложил немало стараний, дабы в России завели Академию наук.

Корф согласился – пусть едут сначала в Марбург.

Он сам вышел проститься с отъезжающими студентами.

– Конечно, наша Академия будет посылать вам деньги. Но если немцы в Марбурге предложат вам платить за обучение танцами, вы откажитесь, ибо для развития химии в России танцевать необязательно. Я наслышан, каковы нравы тамошних студентов, а потому бойтесь главных причин человеческой глупости – женщин, вина, табака и пива!.. Я верю, – продолжал Корф, – что вас ждет великое будущее. Кто-либо из вас троих да будет навеки прославлен. Возможно, это будете вы, – повернулся он к Райзеру (который стал в России горным инженером, как и отец его). – Надеюсь и на вас, сударь, – обратился Корф к Виноградову (который открыл «китайский секрет» и создал русский фарфор). – Может, повезет и... вам! – неуверенно произнес барон Корф, с усмешкою оглядев Ломоносова, слушавшего его с большим вниманием...

Ветер наполнил корабельные паруса, и осенью 1736 года они были уже в Любеке, откуда прибыли в Марбург, где их душевно приветствовал сам Христиан Вольф; в Марбурге учились еще два русских лифляндца – барон Отто Фиттингоф и Александр фон Эссен (оба уроженца нынешней Латвии). Университет Марбурга уже отметил свое 200-летие; русские юноши получили студенческие матрикулы, в которых указывались им правила поведения, идущие от традиций мрачного средневековья: страх божий есть начало премудрости, нельзя заниматься колдовством и волшебничать, ни в коем случае не плясать на чужих свадьбах, в ночное время не шляться по улицам, укрывая лица черными масками...

Для русских все это было чуждо и внове! После Москвы с ее простонародными нравами, после блеска русской столицы Марбург показался глухой провинцией. Узенькие улочки, плотно стиснутые дома в древней плесени; горожане гордились тем, что когда-то сам буйный Лютер бывал в Марбурге, рассуждая о таинствах святой Евхаристии... Христиан Вольф обладал тогда гигантской славой, а русских он поучал смирению.

– Посмотрите на меня! – призывал он. – Прусский король изгнал меня из Берлина под страхом виселицы, но разве я потерял к нему уважение? Нет. Учитесь и вы почитать вышестоящих, ибо так повелел всевышний. Мы, – утверждал Вольф, – живем в самое прекрасное время, живем в самом лучшем из миров, и скоро вы сами убедитесь в чудесной гармонии мира, где все идет к лучшему... Когда вы поедаете мясо животных, то благодарите небеса за то, что вы не животные, обреченные на съедение!

Вольф видел гармонию даже в скрипении королевских виселиц, а «самый лучший из миров» состоял из богатых и нищих, где богатый пожирал бедного, словно мясо. Корф недаром предупреждал о соблюдении нравственности. Академик М. И. Сухомлинов писал, что немецкие студенты тогда «шумными ватагами ходили по городу, врываются в церкви во время свадеб и похорон, громили купеческие лавки и винные погреба, пакостили синагоги, разбивали окна в домах». Прозвевали тайные корпорации «срамников», члены которых давали клятву: никогда не мыться, в общественных местах портить воздух и всюду учинять самые гнусные мерзости, на какие только способен человек. Недаром же Фридрих Энгельс писал, что прошлая Германия – «только навозная куча, но они (немецкие обыватели) хорошо чувствовали себя в этой грязи, потому что сами были навозом... Это была одна гнилая и разлагающаяся масса...»

Конечно, после тихой, чистоплотной и патриархальной Москвы русские студенты выглядели святошами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.